

УДК 821.161.1

DOI 10.17223/24099554/1/3

Т.А. Васильева**УКРАИНСКИЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ПАНТЕОН
В РЕГИОНАЛЬНОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ
XIX В. (СКОВОРОДА, МАЗЕПА, ХМЕЛЬНИЦКИЙ)**

Предметом внимания в статье становится украинский культурно-исторический пантеон, ключевыми фигурами которого являются Г.С. Сковорода, Б. Хмельницкий и И. Мазепа, рассмотренный на материале региональной журналистики первой четверти XIX в. и играющий роль важной составляющей целостного, последовательно сконструированного образа Украины, проявившего себя на страницах украинских периодических изданий и произведений художественной литературы.

Ключевые слова: украинская литература, образ Украины, журналистика, регионализм, Г.С. Сковорода, Б. Хмельницкий, И. Мазепа.

Уже в первой четверти XIX в. на волне подъема национального самосознания, охватившего Европу и Россию, перед Украиной остро встает проблема отстаивания самостоятельности своего региона, оригинальности языка, богатства и самобытности народной культуры, исторического наследия, литературы. Преодоление ставшей традиционной имперской точки зрения на Украину как отдаленную губернию Российской империи, а на ее литературу как «вторичную», носящую ярко выраженный провинциальный характер осуществлялось в том числе и путем сознательного, последовательного конструирования целостного образа Украины в украинской художественной литературе и публицистике, ориентированного, по меньшей мере, на две аудитории читателей (имперскую и собственно украинскую).

Важнейшей составляющей образа Украины со стороны «внутреннего» взгляда самих украинцев становится так называемый культурно-исторический пантеон, который образуют наиболее важные имена культурных лиц и исторических деятелей Украины. Среди них одно из первых мест занимает Г.С. Сковорода – украинский философ-богослов, поэт и баснописец XVIII в. По многочисленным воспоминаниям его современников и замечаниям биографов, личность удивительная и неоднозначная. Достаточно отметить, что, родившись в Киевской губернии и закончив свой жизненный путь на Украине,

Г. Сковорода побывал не только в Российской империи, но и в странах Европы; обладая даром слова и убеждения, а также, будучи приглашаем в качестве преподавателя в учебные заведения Украины, он не задержался долго ни в одном, так как по выражению Д.И. Багаля, «ему тесно было в ученических аудиториях и он предпочел им несравненно большую аудиторию – целую Украину» [1. Т. 1. С. 27]; он находил с легкостью общий язык как с помещиками, так и с крестьянами, и образ Сковороды оставил заметный след в сознании и сердце и тех и других («у всех был он свой» [1. Т. 1. С. 27]); будучи христианином, он с большой терпимостью относился к язычеству, именуя его предвестником христианской культуры; в своей же философии был близок и к античной традиции, в частности к платонизму и стоицизму, многие исследователи усматривают в его философской системе элементы рационализма и мистицизма. Все это позволяет говорить о необычайном синтетизме взглядов Г. Сковороды. Любопытна в отношении попыток дать объективную характеристику его личности статья, помещенная в одном из номеров «Украинского вестника» – «Сковорода, украинский философ» [2. Ч. 6, кн. 4. С. 105–125], распадающаяся в композиционном отношении на три части, напоминающие нам своеобразные «тезис», «антитезис» и «синтез». В качестве «тезиса» выступает статья Густава Гессе де Кальве – доктора философии Харьковского университета, одного из первых биографов Г. Сковороды. Гессе де Кальве отражает основные вехи жизни известного далеко за пределами Украины философа: детство, обучение в Киевской академии, путешествие по землям Польши, Пруссии, Германии, возвращение на родину и т. д. Его сочинение – воплощение традиционного взгляда на сложную и далеко не однозначную личность украинского философа. Автор широко пользуется приемом идеализации, выдвигая на первый план вполне ожидаемые факты биографии и грани личности, соответствующие народному герою: жизненный путь, выстраивающийся по модели «*per aspera ad astra*» (обретение мудрости и любви народной через испытания, непонимание, как-то: изгнание из Академии, годы странствий, потеря близких и проч.), черты характера, главные из которых – бескорыстие, скромность, человеколюбие и непритязательность («Малейший вид награждения огорчал его благородную душу» [2. Ч. 6, кн. 4. С. 114]; «Летом ночевал в саду под кустарником, зимой в конюшне» [Там же. С. 112]; «...враг пышности и многолюдства» [Там же. С. 117]). При этом де Кальве намеренно нейтрализует моменты, по-

тенциально способные ввести читателя в заблуждение, повредить цельный образ гениального мудреца и народного любимца (в самом широком смысле). Более того, лейтмотивом жизнеописания Г. Сковороды становится мысль о его глубочайшем «космополитизме», принадлежности к разным национальным мирам, но в то же время тяготеющим к Украине («Наконец обогатившись нужными познаниями, Сковорода желал непременно возвратиться в свое отечество» [2. Ч. 6, кн. 4. С. 110]).

«Антитезисом» панегирику первой статьи выступает мнение человека «беспристрастного» – Ивана Вернета. Его воспоминания, занимающие не более нескольких страниц, превращаются в последовательное опровержение мыслей Гессе де Кальве. Вернет не отказывает Г. Сковороде в недюженном уме и талантах («Он был муж умный и ученый» [Там же. С. 121]), однако подвергает критике некоторые грани характера философа. По его мнению, излишняя идеализация фигуры украинского мыслителя – ошибка, следствие заблуждения, обмана славы, создающей завесу перед ее объектом. Автор видит в его поступках и суждениях эгоизм, самолюбие, излишнюю неприимчивость к чужому мнению. Он сравнивает Г. Сковороду с «необделанным дорогим камнем», нуждающимся в огранке умелого художника, и резюмирует: «Он был вспыльчив и пристрастен, слишком следовал силе первых впечатлений, переходил от одной крайности в другую, он любил и ненавидел без достаточной причины» [Там же]. Любопытны две параллели, отчетливо угадывающиеся в статье Гессе де Кальве и воспоминаниях Вернета, указывающие на прямой диалог между ними, – это суждение о способности Сковороды к поэзии и сравнение фигуры украинского мыслителя и древнегреческого философа Диогена – персонажа множественных анекдотов и легенд, прославившегося своим нестандартным поведением и абсурдной философской позицией. В статье де Кальве упоминание имени Диогена возникает как будто случайно и служит для подчеркивания разницы между ними: для одного «странный» образ жизни – естественное отражение внутренней позиции, лишенной ориентации на внешний мир, для другого – чудачество как самоцель и выражение протеста («Диоген в гордых своих лоскутьях конечно устыдился бы пред нашим чувствительным Сковородою» [Там же. С. 113]). В интерпретации Вернета Г. Сковорода и Диоген – «одного поля ягоды»: «Он [Сковорода] своими поступками и нравом мог бы играть в Греции блестящую роль во время Синопского чудака: Диоген из всех Греческих народов

одних Спартанцев почитал только людьми; Сковорода преимущественно любил Малороссию и Немцев» [2. Ч. 6, кн. 4. С. 123]. Что касается поэтических талантов украинского мыслителя, И. Вернет отзывался о них более чем сдержанно («Его духовные канты мне нравятся, но стихи его вообще противны моему слуху» [Там же. С. 121]), он отказывает Сковороде в поэтическом вкусе, равным образом как и в тонкой душевной организации, чуткости, в то время как Гессе де Кальве наделяет его поэтические творения статусом «народные» и говорит, что между ними есть «хорошие стихотворения».

Наконец, третья часть статьи, своеобразный «синтез», – это голос самого Сковороды, данный через его письма, дарующий возможность читателю самому решить, кем на самом деле был Г. Сковорода. Подобная трехчастная композиция лепит объемный образ украинского философа, отражая глубину и неоднозначность его личности.

Касаясь сугубо исторического пантеона, отметим одну важную особенность: сосредоточенность украинской литературы рассматриваемого периода на эпохе Древней Руси и современности (начиная со времен Гетманщины). Имена исторических лиц, связанных с периодом польско-литовского владычества на Украине, фактически, выпадают из авторского поля зрения. Героями художественных текстов становятся киевские князья и княгини, славные богатыри, выдающиеся церковные деятели и т. д. Достаточно обратить внимание на характерные названия произведений: «Ольга Прекрасная и князь Игорь», «Повесть о Мстиславе I Володимировиче, славном князе русском», «Рогнеда на могиле Ярополковой», «Оскольд», «Илья Муромец» и проч. Излюбленными героями современности, безусловно, являются всегда «славный» Б. Хмельницкий и его антипод – И. Мазепа. «Путешествие» И.М. Долгорукого, описывающее путь рассказчика из России в Одессу и Киев, начинается повествованием об Украине с упоминания этих легендарных имен: «Наконец въехали мы в пределы Украины. Зачаль приходить мне на память Пань Хмельницкий и Мазепа» [3. С. 46].

Образ Хмельницкого можно назвать одним из центральных в украинской литературе, не случайно первый номер «Украинского вестника» (1816) начинался с произведения «Гетман Хмельницкий» анонимного автора, где с первых же строк задавался особый грандиозный масштаб истории Малороссии, оказывающейся на одной линии сравнения с «Историей древних республик»: «Летописи Украины и Малороссии столь же любопытны, как и История древних респуб-

лик. В них, как в летописях древности, видим мы общества, образуемые воинским духом, и дух сей поддерживаемый частными правильными учреждениями. Граждане сих обществ были воспитываемы подобно Спартамцами и всегда вооружены, как Римляне. Они не стремились, подобно сим последним, покорить всю тогда известную землю; но храбро защищали свои жертвенники и дома...» [4. Ч. 1, кн. 1. С. 7]. Деяния казаков напрямую соотнесены с знаменитыми подвигами древних греков и римлян: «Не видите ли вы в каждом истинном казаке Геркулеса?» [Там же. С. 10]. Таким образом, для автора сочинения украинские казаки не уступают в храбрости и отваге гражданам древних военных республик, однако более просвещены и менее кровожадны по сравнению с ними, они впитали лучшие их достижения, отринув недостатки, тем самым являясь примером последовательного и гармоничного развития народа: «Добрый гений народов дал умам другое направление: он восхотел, чтоб крепкий дух козаков смягчился добродетелью наук – и Малороссия озарилась светом учения» [Там же. С. 11]. Хмельницкий же выступает лучшим их представителем. Автор старается отыскать достойное место украинскому гетману в пантеоне всемирно известных героев и «вписать таким образом украинскую историю в глобальный исторический контекст» [5. № 1–3. С. 61]. Великие деяния Хмельницкого становятся примером истинного патриотизма, беззаветного служения родине и призваны вечно вдохновлять украинцев на новые подвиги, которые не ограничены лишь прошедшими временами. И на этом этапе авторских рассуждений возникает явная отсылка к современности, тонкий намек на помощь, оказанную украинским казачеством России во времена войны с Наполеоном: «И в новом положении вещей казаки явили себя достойным своих предков. Недавно видели знамена их, развевающиеся на берегах кичливой Сены» [4. Ч. 1, кн. 1. С. 11].

И далее имя славного Хмельницкого встречается на страницах украинских периодических изданий (таких как «Украинский журнал», «Украинский вестник», «Харьковский демокрит») не единожды. Однако всякий раз его упоминание будет обрастать комплексом сходных авторских оценок и почти одинаковых суждений, равно как выбор исторических эпизодов и фактов биографии украинского гетмана будет ограничен замкнутым набором ситуаций, мало допускающим вариативности, но всегда выстраивающим исключительно положительный образ славного малороссийского героя. Заметим, что это наименование, зачастую начертанное с заглавной буквы в источниках, фак-

тически становится вторым «я» Богдана Хмельницкого и перестает требовать уточнения его носителя. Образ малороссийского героя оказывается настолько цельным и монолитным, что практически не допускает авторских разногласий в своей оценке. Как правило, в источниках особо подчеркивается принадлежность Б. Хмельницкого к малороссийскому казачеству (он – истинный казак, а не, скажем, россиянин или польский пан), его патриотизм и безграничная любовь к Отечеству, подкрепленная не только словом, но и делом (а вернее сказать, многими «делами», которые и становятся объектом многочисленных пересказов), «великий ум», а также ряд черт характера национального героя, во многом ставших традиционными, как-то: смелость, благородство, дальновидность, но вместе с тем простота и сердечность. Таким образом, собирательный «портрет» его можно охарактеризовать несколькими ключевыми фразами: «Хмельницкий имел наружность истинного казака и ум, обогащенный многими познаниями», «он выступает на своем поприще, забывая даже о славе...», «сей храбрый воин грудью встретил войско неприятеля», «редкие из людей великих сделали столько добра своей отчизне, сколько сделал он...» [4. Ч. 1, кн. 1. С. 13–14] и т. д.

Следует заметить, что типичная оппозиция образов Б. Хмельницкого и И. Мазепы на страницах периодических изданий Украины первой четверти XIX в. лишается напряжения, но не за счет «реабилитации» последнего, а вследствие снижения количества фактов упоминания о нем в историографических источниках. Возникает ощущение, что в этот период украинцы имеют настойчивое желание стереть из исторической памяти даже имя И. Мазепы по принципу «о чем не говорится – того нет». Не случайно в сочинении «О Малой России» – в одном из текстов, ориентированных на целенаправленное «выстраивание» истории Украины, период гетманства Мазепы, равно как и все его «подвиги», опущены, а сам факт исключения их из ткани повествования отчетливо проговорен автором: «Его [Мазепы] жизнь, отличенная примерным вероломством, очень известна по истории войны между Петром Великим и Карлом XII Королем Шведским; а потому опустить покрывало на его Гетманство – будет простительно...» [6. Ч. 1, кн. 3. С. 310–311]. Упоминание же имени Мазепы в «Исторических замечаниях о Малороссии» сводится лишь к небольшому по объему отрывку, рисующему портрет алчного и трусливого изменника, не ведающего о понятиях чести и благородства: «В 1708 году Мазепа, забыв истинную пользу Отечества и помышляя лишь о своей

выгоде, изменил Царю и пристал к стороне Карла XII. Единственно ненасытная алчность властолюбия влекла его к тому; и вместе худая его политика...» [7. Ч. 2, кн. 6. С. 293]. Если сопутствующим эпитетом имени Хмельницкого становится именование «герой», то к Мазепе намертво пристаёт именование «гнусный предатель». Автор статьи «Харьковский театр», рассуждая о малороссиянах, замечает вскользь, что «называть Мазепу Малороссиянина обиднее для него, нежели как было некогда название Самарянина для Иудеев» [8. Ч. 8, кн. 12. С. 367].

Возвращаясь к образу Б. Хмельницкого, заметим, что помимо очевидного и вполне традиционного семантического наполнения он вызывает актуализацию ассоциаций с польским контекстом. Будучи родом из православной шляхты Речи Посполитой (согласно наиболее распространенной версии), будущий украинский гетман получил начальное образование в Киеве, а затем продолжил обучение в Львовском Иезуитском коллегииуме, однако остался приверженцем православной веры. Начав военную карьеру с польско-турецкой войны 1620–1621 гг. на польской стороне, Хмельницкий пользуется уважением при дворе короля Владислава IV. Согласно Летописи Самовидца [9. С. 4–152] Хмельницкий принимал участие в осаде Смоленска силами Речи Посполитой в 1634 г. на стороне поляков и впоследствии был жалован золотой саблей польским королем за военные заслуги. В дальнейшем украинский гетман не раз вступал в сношения с польской стороной, будь то военное противостояние, заключение перемирия, попытки дипломатических переговоров и пр. Вместе с тем Б. Хмельницкий был крепко связан с казачьим малороссийским миром, православием, Москвой. Именно ему было суждено стать силой, возвратившей (согласно официально принятой имперской концепции) Малороссию в прежнее «отечество». Таким образом, Б. Хмельницкий запустил процесс «воссоединения» славянских земель, что привело к расширению границ Российской империи и в дальнейшем актуализировало проблему польских «кресов» и, как следствие, подогрело нескончаемый спор относительно «принадлежности» Украины между Польшей и Россией, что, однако, является предметом другого, не менее интересного и значимого разговора.

Литература

1. Багалей Д.И. Опыт истории Харьковского университета (по неизданным материалам). Харьков, 1893–1898.
2. Сковорода, украинский философ // Украинский вестник. 1817.

3. Долгорукий И.М. Славны бубны за горами, или Путешествие мое кое-куда 1810 года. М., 1870.

4. Гетман Хмельницкий // Украинский вестник. 1816.

5. Журба О. І. Журнальний період становлення української археографії (Харківські журнали 10–20-х рр. XIX ст.) // Архіви України. 2002.

6. Квитка П. О Малой России // Украинский вестник. 1816.

7. Грибовский М. Исторические замечания о Малороссии от смерти Гетмана Богдана Хмельницкого до Полтавского сражения (окончание) // Украинский вестник. 1816.

8. Харьковский театр // Украинский вестник. 1817.

9. Летопись Самовидца о войнах Богдана Хмельницкого и о междоусобиях, бывших в Малой России по его смерти / под ред. О.М. Бодянского. М., 1846.

UKRAINIAN CULTURAL-HISTORICAL PANTHEON IN THE REGIONAL JOURNALISM OF THE FIRST QUARTER OF THE 19TH CENTURY (SKOVORODA, MAZEPA, KHMELNITSKY).

Imagology and Comparative Studies, 2014, 1, pp. 36–44. DOI 10.17223/24099554/1/3

Vasilieva Tatiana A. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: tatiana_w_1988@mail.ru

Keywords: Ukrainian literature, image of Ukraine, journalism, regionalism, G.S. Skovoroda, B. Khmelnytsky, I. Mazepa.

On the upsurge of national self-consciousness in the first quarter of the nineteenth century Ukraine faces a problem of defending the independence of its region, the originality of the language, national culture, historical path and literature. The traditional imperial view on Ukraine as a remote province of the Russian Empire and its literature as the "secondary" one, with a distinct provincial nature, was overcome through a consistent creation of a holistic image of the region in Ukrainian fiction and journalism.

The cultural and historical pantheon which includes the most significant names of cultural people and historical figures of Ukraine becomes the most important component of Ukraine's image from the "internal" viewpoint. Among these figures one of the most prominent is G.S. Skovoroda, a Ukrainian philosopher and theologian, poet and fabulist of the eighteenth century. An attempt to give an objective description of his personality is an interesting article in the *Ukrainsky Vestnik*, "Skovoroda, a Ukrainian Philosopher"; it has a three-part composition (a kind of "thesis", "antithesis" and "synthesis") where the volumetric image of the Ukrainian philosopher is consistently built by correlating opposite viewpoints (Gustav Hess de Calve and I. Vernet) and by introducing Skovoroda's "voice" given in his letters.

B. Khmelnytsky, one of the central figures in Ukrainian fiction, does not lose his exclusive position in periodicals as well (*Ukrainskiy Zhurnal*, *Ukrainskiy Vestnik*, *Khar'kovskiy Demokrit*). When analyzing the image of the Ukrainian hetman special attention is paid to the key points: the integrity of the image, the extreme degree of idealization (hyperbolization of the deeds, parallels with the heroes of the Antiquity, criteria of selecting historical episodes and biographical facts, direct names, characteristic epithets, etc.), accentuation of the belonging to the Little Russian Cossacks with the simultaneous balancing on the verge of the Russian and Polish worlds. The latter indirectly draws Khmelnytsky's image into the sphere of the dispute between Russia and Poland on the "affiliation" of Ukraine.

I. Mazepa's role, who is a traditional Khmelnytsky's antipode, is transformed in Ukrainian periodicals of the first quarter of the nineteenth century: the typical opposition of the

images loses its tension not by Mazepa's "rehabilitation", but by the fewer mentions of him. However, the ideological load of the image remains the same and involves betrayal, cunning and guile ("About Little Russia", "Historical Notes on Little Russia").

In general, cultural and historical pantheon of Ukraine is remarkable for the breadth and simultaneous concentration on the era of Ancient Russia and the present time (from the time of the Hetmanate). The names of the historical figures connected with the period of the Polish-Lithuanian dominion in Ukraine fall out of sight due to their inconsistency with the forming of the image of the heroic past of Ukraine.

References

1. Bagaley D.I. *Opyt istorii Khar'kovskogo universiteta (po neizdannym materialam)* [The history of Kharkov University (based on unpublished materials)]. Khar'kov, 1893@1898.
2. Skovoroda, ukrainskiy filosof [Skovoroda, a Ukrainian philosopher]. *Ukrainskiy vestnik*, 1817.
3. Dolgorukiy I.M. *Slavny bubny za gorami, ili Puteshestvie moe koe-kuda 1810 goda* [Nice tambourines beyond the mountains, and my journey somewhere in 1810]. Moscow: Univer-sity Publ., 1870. 170 p.
4. Getman Khmel'nitskiy [Hetman Khmelnitsky]. *Ukrainskiy vestnik*, 1816.
5. Zhurba O. I. Zhurnal'niy period stanovlennya ukraïns'koï arkheografii (Kharkivs'ki zhurnal'ni 10–20-kh rr. XIX st.) [The journal period of the Ukrainian archaeography (Kharkiv journals of the 10-20-s of the 19th century)]. Arkhivi Ukraini, 2002.
6. Kvitka I. O Maloy Rossii [On Little Rus]. *Ukrainskiy vestnik*, 1816.
7. Gribovskiy M. Istoricheskie zamechaniya o Malorossii ot smerti Getmana Bogdana Khmel'nitskogo do Poltavskogo srazheniya (okonchanie) [Historical remarks about Little Rus from the death of Hetman Bohdan Khmelnytsky to the Battle of Poltava (the end)]. *Ukrainskiy vestnik*, 1816.
8. Khar'kovskiy teatr [The Kharkiv Theatre]. *Ukrainskiy vestnik*, 1817.
9. Bodyansky O.M. (ed.) *Letopis' Samovidtsa o voynakh Bogdana Khmel'nitskogo i o mezhdousobiyakh, byvshikh v Maloy Rossii po ego smerti* [The annals of the witness concerning the wars of Bohdan Khmelnytsky and civil wars that were in Little Russia after his death]. Moscow, 1846. 164 p.